

Yuzhniy Krai [Kharkov]. 1917, January 31, no. 13849, p. 8.

Южный край [Харьков]. 1917. 31 января, № 13849. С. 8.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 502

The captivating power of Rachmaninoff's aura exerts a magical influence on the audience, filling the commercial club hall like a turbulent stream. Everyone yearns to hear the inspired artist's living words, though perhaps for many they remain undiscovered...

Rachmaninoff's musical personality possesses exceptional coherence: a highly gifted conductor, one of the pillars of modern Russian music, and, finally, an exceptional pianist. In the latter regard, Rachmaninoff cannot be classified among the constellation of piano virtuosos from whom he distinguished himself by the unique qualities of his playing; this elusive individuality finds expression in the artistic union of immense pianistic means with a spiritual interpretation, warmed by the breath of the highest poetry.

Recalling the program of the final concert (12 preludes and 12 Études-tableaux op. 33 and 39), one can apply Voltaire's brief criticism, writing at the end of the book given to him for review: "Here everything is delightful, magnificent, and beautiful." As a pianist, Rachmaninoff reached the highest level of art, and in this he said his final word in this field; Rachmaninoff the composer found himself in entirely different circumstances. Tracing his work, one cannot help but notice a certain concession to contemporary trends in art in recent times... But the "new" that Rachmaninoff seeks creates the impression of violence against his musical Credo. One of the prominent capital critics very aptly defined the starting point of Rachmaninoff's modernization, who, in his words, "found himself among the backward ones," having failed to catch the express train of harmonic evolution in music.

The delicate aroma of Rachmaninoff's lyricism evaporates, Tchaikovsky, the prototype that hovered before him, fades, a new path has been found—the path of searching, and the author's desire for self-reform is most noticeable in the cycle of etudes, Op. 39. These pictures interest the listener by their external structure, the harmony new to Rachmaninoff, and the refined rhythm, but they leave no trace that could touch the strings of deeper impressions and experiences, sow the bright spirit of creative upsurge, refracted under the hands of such an artist. Here there is no stereotypical Rachmaninoff work; at times, on the contrary, one senses a glimmer of orgiastic ecstasy; In this antithesis of the wandering lights of rebellious modernity, on the one hand, and the former conservative foundations of Rachmaninoff the composer, on the other, one senses a persistent pursuit of something new, the uncertainty of the author's current platform... Perhaps the latter circumstance is the reason for the great tension and concentrated attention of the listener during the new cycle of "pictorial" etudes; even such a masterful execution does not reveal the depth of their content, and in this case the art of transmission dominates over the art of creation.

It is difficult, of course, to find the line separating the performer and the author in Rachmaninoff's success: on the stage, they are fused into a single artistic whole, and the result is the thunderous ovations that accompany his appearances in concerts; on the final evening - the same incessant applause, laurels, countless encores... A. Horowitz

[Translation: Google]

Покоряющая сила рахманиновского ореола как-то магически действует на публику, наполняющую бурным потоком зал коммерческого клуба. Всякий жаждет услышать живое слово вдохновенного артиста, хотя, быть может, для многих оно остается и неразгаданным...

В музыкальной личности Рахманинова есть исключительная стройность: даровитейший дирижер, один из столпов современной русской музыки и, наконец, исключительный пианист. В последнем случае Рахманинова нельзя причислить к плеяде фортепианных виртуозов, от которых он отмежевался особыми свойствами своей игры; эта неуловимая рахманиновская индивидуальность находит свое выражение в художественном единении громад-ных пианистических средств с одухотворенной интерпретацией, согретой дыханием высшей поэзии.

Вспоминая в памяти программу отчетного концерта (12 прелюдий и 12 Etudes-tableaux op. 33 и 39), можно применить краткую критику Вольтера, написавшего в конце книги, данной ему для отзыва: «Здесь все восхитительно, великолепно и прекрасно». Как пианист, Рахманинов достиг высшей грани искусства и этим он сказал в этой области свое последнее слово; совсем в иных условиях Рахманинов-композитор. Проследив его творчество, нельзя не заметить в последнее время известной уступки современным веяниям в искусстве... Но то «новое», чего ищет Рахманинов, производит впечатление насилия над своим музыкальным Credo. Один из видных столичных критиков очень метко определил исходную точку модернизации Рахманинова, который, по его словам, «оказался в числе отсталых», так как не успел попасть на экспресс гармонической эволюции в музыке.

Испаряется нежный аромат рахманиновской лирики, блекнет витавший перед ним его прообраз Чайковский, найден новый путь это путь исканий, и наиболее заметно стремление автора к самореформированию в цикле этюдов 39 op. Эти картины заинтересовывают слушателя по своей внешней структуре, но-вой у Рахманинова гармонии, изысканной ритмике, но они не оставляют следа, который мог бы затронуть струны более глубоких впечатлений и переживаний, заронить светлый дух творческого подъема, прелом-ленный под руками такого художника. Здесь нет стереотипности рахманиновского творчества, порой, наоборот, чувствуется проблеск оргазма, экзатичности; в этой антитезе блуждающих огней мятежной современности, с одной стороны, и былых консервативных устоев в Рахманинове-композиторе, с другой, чувствуется настойчивая погоня за чем-то новым, неопределенность настоящей платформы автора... Быть может, последнее обстоятельство и служит при-чиной большого напряжения и сосредоточенного внимания слушателя при новом цикле «изобразительных» этюдов; даже такое мастерское исполнение их не раскрывает глубины их содержания, и в данном случае искусство передачи доминирует над искусством творчества.

Трудно, конечно, найти грань, отделяющую в успехе Рахманинова исполнителя и автора: на эстраде это спаивается в одно художественное целое, и в результате бурные овации, которыми сопровождается появление его в концертах; в отчетный вечер - те же несмолкаемые аплодисменты, лавры, бесчисленные бисы...